

у васъ въ бюро. А записку о Дружининѣ я не только съ удовольствіемъ общаю, но и всячески потщусь написать и вамъ доставить, т.-е. привезти. Да что это у васъ въ Петербургѣ дѣлается? Здѣсь уже толкуютъ о чумѣ. Конечно, это вздоръ, но что, къ сожалѣнію, есть блоха, если даже слона нѣту—вамъ лучше всего знать.

„Посылаю вамъ брошюрку, которая дѣлаетъ теперь такой страшный шумъ: „Les propos de Labienus“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что цензура допустить ее въ Россіи, такъ какъ въ ней ни противъ нашего правительства, ни противъ Россіи нѣтъ юты; но, можетъ быть, къ вамъ она прибудетъ не раньше открытія навигаціи, и потому я желаю васъ попотчивать новою новинкой. Вещь, написанная удивительно! Съ нетерпѣніемъ жду вашей статьи, съ удовольствіемъ уличезрю милѣйшаго Каншперова. Я получилъ „Воеводу“ Островскаго, прочелъ, умилился (за исключеніемъ чепухи à la Barbe Bleue въ 5-мъ актѣ), и хочу написать ему мой восторгъ, вложивъ мое письмо въ то, которое я вамъ пошлю на дняхъ. Прочелъ также романъ Л. Н. Толстого и почувствовалъ... Этакъ нельзя, нельзя, нельзя ¹⁾. Впрочемъ, мы еще потолкуемъ, а теперь, пока, благодарю васъ и обнимаю васъ обоихъ.“

Бадень-Бадень, (5-го мая) 23-го апрѣля 1865 г.

„Любезный другъ, П. В., посылаю вамъ цензурованную рукопись „Довольно“, такъ какъ она, можетъ быть, потребуется при полученіи книгъ. Передайте ее, пожалуйста, Кожанчикову и скажите ему, что экземпляры 3-го, 4-го и 5-го томовъ были отправлены въ понедѣльникъ изъ Карлсруэ черезъ Штетинъ въ Петербургъ на имя И. И. Цаншейта, для передачи ему, какъ онъ этого самъ желалъ. Книги эти, вѣроятно, прибудутъ въ Петербургъ раньше меня, а потому я и рѣшилъ выслать вышеупомянутую рукопись.“

„Самъ я отсюда выѣзжаю непременно и безотлагательно (13-го) 1-го мая и три дня спустя буду въ Петербургѣ звонить у вашей двери. Не сомнѣваюсь, что я васъ еще застану. А потому до скорого свиданія.“

¹⁾ Въ объясненіе такого восклицанія и предшествующаго ему многоточія, можно только привести слова Тургенева, въ его письмѣ къ Я. П. Полонскому, три года спустя, 6-го марта 1865 года: „Романъ Толстого—вещь удивительная: но самое слабое въ немъ—именно то, чѣмъ восторгается публика: историческая сторона и психологія. Исторія его—фокусъ, битые тонкими мелочами по глазамъ; психологія—капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ.—Все бытовое, описательное, военное—это первый сортъ, и подобнаго Толстому мастера у насъ не имѣется“ (Перв. собр. пис. Тургенева, стр. 135—136, № 106).